

**ИГРОВОЕ СБЛИЖЕНИЕ ЛЮБОВНОГО ЗАГОВОРА И ЛИРИЧЕСКОГО
ПОСЛАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И. БРОДСКОГО
«ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА»**

Ситуация изученности лирики И. Бродского представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж в осмыслении и интерпретации текстов И. Бродского. И все же бродсковедение содержит достаточно лакун. Одной из таких лакун является осмысление авторской трансформации любовного заговора в стихотворении «Для школьного возраста».

Характерно, что осмысление этого раннего, но в то же время столь характерного для лирической системы поэта стихотворения, не вошло в исследования ведущих бродсковедов (В. Полухиной, Л. Лосева, А. Ранчина, О. Глазуновой и др.). При этом данный текст весьма приоритетен для анализа.

Цель статьи: проанализировать сближение данного лирического послания И. Бродского, обращенного к Марине Басмановой, со стилистикой любовного заговора.

Для школьного возраста

М. Б.

*Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.*

*И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятенье, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.*

*Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.*

Кроме обращенности лирического послания к Марине Басмановой (М. Б.), название «Для школьного возраста» говорит о внешней и обманной простоте, легкости невинных помыслов. Возникает ассоциация с невинным восприятием мира, в игровом ключе лирический герой ощущает себя школьником в познании жизни, своей страсти и себя.

В стихотворении эксплицируется детско-невинное состояние поэта-мага, переживание которого подчеркивается искренностью чувств. Лирический герой беззащитен перед своей любовью, страстью, доминирующей в дискурсе и преображающей весь окружающий его мир.

Особую интимность стихотворению придает включение в ткань текста отсылок к биографии поэта.

Во время написания данного стихотворения поэт находился в ссылке в Норенской. Показательно, что позже И. Бродский включит это лирическое послание в более позднюю книгу стихов «Новые стансы к Августе», посвященную М. Басмановой.

Переводчик текстов И. Бродского, лично знавший поэта, Б. Янгфельдт в своем исследовании отмечает: «Бродский собрал и издал шестьдесят стихотворений, посвященных М. Б., под названием “Новые стансы к Августе” – поклон Байрону и его “Стансам к Августе” 1816 года».

Для человека, который хоть немного знаком с поэзией И. Бродского, тут нет тайны: инициалы М. Б. – графические символы наиболее частых посвящений над его стихами. Известно, что поэт страстно любил Марину Басманову. Более того, переживая ее измену, он пытался свести счеты с жизнью. Но также показателен факт и литературо-центричности страсти И. Бродского.

По словам самого И. Бродского сборник, посвященный М. Б., централен в его поэтическом наследии. В одном из интервью поэт подчеркнул: «... до известной степени это главное дело моей жизни» [9, 43]. Это высказывание свидетельствует о том, что М. Басманова значила очень многое для поэта.

В стихотворении «Для школьного возраста» на уровне подтекста обыгрывается тема непростых отношений. Дерзкие, порой обидные, и обличающие слова неизменно сочетаются с невероятной любовью и тоской о прошлом, при этом лирический герой относится с иронией к себе.

1963-1964 годы, предшествующие написанию стихотворения, были переломными как в судьбе И. Бродского, так и в отношениях с М. Басмановой. Художница изменила ему в новогоднюю ночь с Дмитрием Бобышевым – другом И. Бродского. Поэт в это время находился в психиатрической лечебнице. После в интервью, говоря о пережитом, И. Бродский утверждал, что «эта ситуация меня больше тревожила, чем то, что случилось с моим телом: перемещения из одной камеры в другую, из одной тюрьмы в другую, допросы, все такое, на это я не очень обращал внимания...» [9, 43].

Стихотворение «Для школьного возраста» написано в ссылке, после переоценки произошедшего. И. Бродский время, проведенное в Норенской, назвал отличным периодом жизни: «Бывали и не хуже, но лучше, пожалуй, не было» [9, 41]. В это время поэт описывал свои сокровенные чувства, он познавал себя, познавал любовь, познавал жизнь.

Почти половина всех написанных в 1964 году в ссылке стихов (24 окончанных и неоконченных стихотворения) либо посвящены отсутствующей М. Б., либо содержат мотив разлуки.

Характерна направленность текста на определенную личность, что задает особенность коммуникации. Так, коммуникативный потенциал стихотворения направлен не только на возможность диалога в поэтическом мире с возлюбленной, но и становится попыткой перетворения реальности с помощью магичности поэтического слова. Так, стихотворение наделено перформативной функцией. По замечанию исследователя Е. Горло, перформативность предстаёт «свойством высказывания или целого текста производить действие» [3, 47]. С. Фокина утверждает, что «поэтическое слово, наделенное перформативной функцией, способствует преодолению расстояния между лирическим “я” и адресатом» [7, 114]. Именно этот аспект перформативности обыгрывается И. Бродским и позволяет связать авторские коды с трансформацией любовного заговора. Трансформированные элементы любовного заговора выявляются в начальной строке стихотворения, когда поэт обращается к адресату.

Заговор, апеллируя, прежде всего, к перформативности слова, в игровом ключе оборачивается магическим актом, который направлен на взаимное переживание обоими коммуникантами экзистенции любви и разлуки.

В подтексте активируются элементы автокоммуникации, выраженные в интенциях самопознания и исповеди. В интерпретации И. Бродского трансформируется фольклорная специфика заговора, весомее становятся коммуникативные стратегии, включенные в авторский миф.

По замечанию В. Ф. Райана, заговор – «это прежде всего магическая формула, призванная исполнить желание заговаривающего: обеспечить защиту, вызвать злого духа» [4, 245]. Фольклорная специфика, отмеченная английским ученым, явно связана с коммуникационными потенциями. Кроме того, «часто заговоры начинаются с молитвенного обращения, адресованного <...> лицу или объекту, который следует заговорить» [4, 250].

Согласно наблюдениям А. Топоркова, заговоры рассматриваются как особый «фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения» [5, 185]. При этом заговоры выделяются среди фольклорных текстов своей индивидуализированностью, что «потенциально роднит их с типом лирического послания» [5, 184].

Особенность заговоров определена тем, что данные тексты «призваны магически воздействовать на человека, природу или сверхъестественные силы» и также тем, что «нарративное начало в заговорах сочетается с началом заклинательным» [5, 12].

В. Топоров настаивает на том, что «индивидуальность заговора соотнесена с его интимностью» [6, 22]. Кроме того, «заговор, будучи произнесенным при определенных условиях, становится осуществленным ритуалом, словесная часть которого описывает сам ритуал» [6, 24].

Интересна в данном контексте идея Н. Барковской, что в лирическом дискурсе «мотив словесной ворожбы» становится показателем «взаимобратимости слов и вещей, замены реального мира словесным...» [2, 476]. Такой аспект «словесной ворожбы» показателен для трансформации любовного заговора в лирическом послании И. Бродского.

В стихотворении «Для школьного возраста» одной из основных является тема бессонницы как особого состояния любовной тоски и магического транса. Связь с онерическим пространством в послании И. Бродского задается как кодами любовного заговора, так и на тематическом уровне.

Темнота является главной точкой отсчета. Она может символизировать видения, другую реальность, воспоминания. Герой обладает своего рода даром провидения:

*«...пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас»*

Также темнота символизирует магию, с помощью которой осуществляется заговор, помогающий преодолеть пространство, разделяющее героев – как в физическом, так и в духовном плане.

Буква А символизирует начало мира, (альфа – главное), к тому же А – первая буква в имени Адама. Буква Б заглавная в фамилиях Басманова и Бродский. Таким образом, А и Б являются одновременно инициалами лирических героев: и адресата, и адресанта.

Число два, соотносящееся в тексте И. Бродского с адресатом и адресантом, «часто фигурирует в любовных заговорах, ведь речь идет о соединении двоих людей. Для магических действий при начитывании приворотов берется обычно два предмета – связываются две нити, скручиваются две свечи. Символизм двойки состоит в том, что она представляет собой первое

отражение единицы и потому символизирует собой, с одной стороны, идею противопоставления, разделения единого, а с другой стороны, соответствия и однородности противопоставляемых сил, свойств или понятий» [8].

Помимо перформативности, направленной на возлюбленную и обусловленной кодами любовного заговора, характерна и суггестия текста по отношению к читателю. Чувства, охватывающие при прочтении, очень трудно описать. Реципиент сопереживает экзистенциалам лирического героя: страсти, одержимости, тоске и желанию.

Лирический герой обостренно чувствует боль, он познал много горя. От отчаянья он пытается определить расстояние между ним и любимой, что наделяет его в некотором смысле даром колдовства и провидения.

Тьма в стихотворении обыгрывает тему времени, когда лирический герой снимает маску, мечтает и надеется, желает повернуть время вспять. Это пора истинного, это пора беспокоящего, это время потока мыслей, и, конечно, памяти – самого страшного наказания, на которое обречен человек.

Жизнь разъединила любящих и эта разъединенность оказалась в жизни поэта судьбоносной и непреодолимой. Но она могла быть изменена в лирическом послании с помощью обыгрывания любовного заговора.

В данном стихотворении «цифры сходятся в слова», что можно также трактовать как тип магических действий. Это также свидетельствует о неупорядоченности мыслей, что выражает переживание страсти, обрушивающей логику.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Бродский И. А. Собр. соч. : 4 т. / И. А. Бродский / [сост. Г. Ф. Комаров]. – СПб : Пушкинский фонд, 1994.
2. Барковская Н. В. Слово-проклятие и слово-заклятие в творчестве Ф. Сологуба / Н. В. Барковская // Серебряный век: диалог культур : [сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, посвящ. памяти профессора С. П. Ильёва] / [отв. ред. Н. М. Раковская]. – Одесса : Астропринт, 2012. – С. 475–483.
3. Горло Е. А. Поэтический дискурс: перформативность, интенциональность, медийность / Е. А. Горло. – Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 336 с.
4. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России; [пер. с англ. А. Чернецов] / В. Ф. Райан. – М. : НЛЮ. – 720 с.
5. Топорков А. Л. Заговор / А. Л. Топорков // Славянская мифология: [энциклопед. словарь] / [под ред. Л. М. Анисова]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
6. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 22–25.
7. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» / С. А. Фокина // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis* № 130: *Studia Russologica* V. – Krakow : Copyright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.
8. Числа колдовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : <http://www.mirsularii.com/chisla-koldovstva>
9. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М. : Астрель, CORPUS, 2012. – 368 с.